

*«Черниговская гривна»
Золотой «змеевик» с Архангелом Михаилом,
утраченный между 1078–1096 гг. на р. Белоусе под Черниговом
(найден в с. Ст. Белоус в 1821 г.)*

ВИЗАНТИЕЦ МЕЖДУ ХРИСТИАНСТВОМ И ЯЗЫЧЕСТВОМ

Византийская культура, как, собственно, культура средневекового мира, безусловно была диалогична и дуалистична. Это факт. Но вот объяснение ее диалогичности, двойственности, амбивалентности, пограничности найти гораздо сложнее, хотя примеров хватает с избытком. Очевидно, дело в историко-культурологическом анализе, который имеет свои тонкие особенности, не всегда понятные для менталитета современного общества, даже если это сообщество христиан. Английский писатель-путешественник Генри Мортон мудро заметил по поводу таких наблюдений: «Можно думать о легковерии Средневековья и его невежестве, но можно также поразмыслить о вере и красоте мира, где временами земля и небо будто соприкасались; и позавидовать той эпохе искренней веры, как в средних летах мы иногда с грустью припоминаем экстазы и восторги детства».

Какими были эти экстазы и восторги для верующего византийца, какую причудливую смесь веры и суеверия они представляли в ту эпоху? Жуток, мучителен был переход к вечности, к Богу. И так короток, что не поймешь, где испытание духа, ниспосланное благой силой, а где козни демонов. Ада ромеи боялись не меньше, чем пыток и палачей. Кровь застывала в жилах при одной лишь мысли о муках вечных. В пыточней застенке не каждый заглядывал, зато насчет вечного огня, уготованного грешникам на том свете, знали сызмальства. Да и фантазия играла безудержно.

По преданию, икона Спасителя обратилась к накопившему множество грехов византийскому императору Маврикию: «На этом свете хочешь мучен быть или на том?». Грешник, разумеется, выбрал этот свет и получил сполна: свегнутому, опозоренному, ему перед собственной казнью довелось пережить смерть своих пятерых детей и жены, которым на его глазах

были отсечены головы. Таков был воспитующий пример веры, если так можно выразиться, воплощенный в практику суровой ромейской реальности.

Разумеется, христианство наложило особенно глубокий отпечаток на мировоззрение и мышление ромеев. В массе своей они действительно были людьми, которых вела по жизни вера и для которых Христос, Богородица и все святые, как верно заметил сэр Джон Норвич, «...были столь же живыми, реальными личностями, сколь и члены их собственных семей». Они не имели сомнений в существовании Бога и их сознание не допускало неверия как такового: религия единственная помогала объяснять мир и предназначение человека в нем. Нельзя не согласиться с выдающимся французским медиевистом Жаком Ле Гоффом, что «ценности, во имя которых тогда люди жили и сражались, были ценностями сверхъестественными – Бог, Град Божий, рай, вечность, пренебрежение к суетному миру и т. д.». Все их высокие помыслы были устремлены к небесам и, в то же время, эти небеса не отделяла от земли непроходимая грань.

Признаки того, что мы ныне именуем христианским культом, можно было видеть повсюду: вздымающиеся кровли церквей, звон деревянных билл-гонгов, ксилонов, симандров, огромное число монахов и монахинь, монастыри, бесконечные процессии с иконами, которые играли роль не религиозных картин, а образов – посредников между земным и небесным миром, непрерывные богослужения и христианские церемонии, в которых проводили время набожные горожане и их император. Посты, церковные праздничные дни заменяли собой календарь: по ним велся отсчет времени, они составляли основу распорядка жизни. Такой обыденный мир воспринимался как образ надмирного, невидимого, причем это было реальное самоощущение византийцев. Подобное мировосприятие академик Алексей Лидов удачно назвал «иконическим».

Ромеи признавали влияние таких категорий как судьба («тюхе») и природа («фисис»), хотя первопричиной всех событий все же полагали Божью волю и Промысел – «Пронойу». Это отчасти объясняет, почему мир византийского христианства был до крайности фаталистичен. Считалось, что раз все предопределено Богом, значит, любое несчастье, от потери кошелька до тяжелой вражеской осады, следует рассматривать лишь как возмездие за личный или общий грех. А грехи надо замаливать. Поэтому и неудивительна та особая роль в бытии, повседневной жизни и в мировоззрении, менталитете, которую играли религия и священнослужитель, сопровождавшие человека с момента его рождения и до смертного одра. При всех оговорках, безусловно, это была сила, создававшая главные эстетические ценности и долгое время цементирующая ромейское общество.

Последнее представлялось как союз Всемирного христианского государства со Вселенской Церковью.

Во всех делах ромей уповали прежде всего на Бога. К нему они зывали в самые тудные минуты своей жизни и в миг радости. «Поклоняться Богу, любить исключительно Его», – являлось святым долгом добродетельного человека и истинного христианина, который должен был молиться о том, чтобы исполнилась над ним воля Божия, «благая, угодная и совершенная», и чтобы Господь помог ему покориться «под крепкую руку Его», и тогда ничто на свете не будет страшно. Но обращаться с молитвами ромей предпочитали все же к Богородице. Очевидно, она казалась более понятной, более близкой и человеческой простому смертному, чем ее грозный сын – Христос. Образы Богоматери чтили особо, ибо полагали, что они обладают чудодейственной силой исцелять болезни и даровать победу над врагами отечества. Следует подчекнуть, что если прочие иконы постиконоборское православное вероучение предписывало почитать (дулия), то для Богородицы полагалось «сверхпочитание» (ипердулия). К слову, этот образ воспринимался восточными христианами куда более воинственным, чем западными. Недаром во время страшной осады Константинополя несметными полчищами авар и персов летом 626 г. Патриарх Сергей приказал написать на всех воротах сухопутных стен образ Богоматери с предвечным Младенцем на руках, а зимой 821 г. царский наследник Феофил с процессией обходил оборонительные стены столицы с омофором Девы Марии, что вызвало небывалое смятение в рядах видевших это мятежников.

Даже само греческое слово «икона» – «образ», в первую очередь, ассоциировалось у византийца именно с «иконой Божьей Матери». Только в столичном храме Богородицы Влахернской каждую пятницу на закате солнца можно было воочию видеть чудо того, как само собой поднималось покрывало, которым была занавешена икона Богоматери. Во время пышных триумфальных шествий, которые со временем все больше превращались в теарализованную религиозную церемонию, впереди процессии знати, одетой в белое, подобно облаку снежинок, впереди подразделений элитных отрядов с зажженными свечами в руках, сверкающими словно мириады звезд, перед драгоценными выносными процессионными крестами, знаменами и значками – лабарами, фламулами и вандами отдельных воинских формирований, на колеснице, запряженной белыми лошадьми, везли именно икону Божьей Матери, истинного предводителя и покровительницу ромейского воинства. Василевс же смиренно и скромно шел пешком, сопровождая святыню, по пути совершая остановки в наиболее почитаемых церквах и монастырях столицы.

Ни одно жилище византийца, от императорского дворца и до жалкой лачуги бедняка, не могло обойтись без иконы, домашней или дорожной, или хотя бы креста. Их помещали в углу комнаты, над кроватью или в домашней молельне. Поклонение иконам, вероятно, было изначальным христианским обычаем. Во всяком случае, Евсевий Памфил упоминал о портретах Христа и апостолов, написанных на дереве, поэтому едва ли можно согласиться с теми современными историками, которые полагают, что поклонение иконам появилось лишь во второй половине VI–VII вв., а авторитет священных изображений вырос и того позже, между 670 и 730 гг. Слишком много свидетельств противоречат этому.

Случалось, иконы вешали, как может показаться, в самых неподходящих, с нашей точки зрения, местах, даже в бане, как это было сделано в конце V в. по приказу императора Анастасия в столичных термах Элегиана, где некий святозарный муж в белоснежных одеждах, явившийся в купальню, покарал за сквернословие патриаршего конюшего Олимпия, который богохульно сравнил Троицу с тем, что находится между ног и скабрёзно рисуют на каждой стене: он окатил несчастного тремя ведрами кипятка, после чего тот вскоре умер в жутких мучениях. Его обваренная плоть отпала от костей.

Византийские Жития полны легенд о чудотворных образах. К примеру, в «Луге духовном» Иоанн Мосх рассказывал как одна женщина из «страны апамейской» безуспешно рыла колодец, который не наполнялся водой до тех пор, пока танственный незнакомец посоветовал принести из местного монастыря изображение аввы Феодосия и опустить это это изображение в колодец.

Подобные легенды особенно подогревали все более крепнувшую веру в иконы. Перед ними возносили молитвы, включая домашние, не церковные последования, зажигали свечи и лампы-лампады, воскуряли фимиам, простирались ниц, клали поклоны, совершали аспасмос – целование святых изображений и иные обрядовые действия, которые к исходу VII в., несомненно, уже прочно вошли в религиозный обиход христиан. Уже преподобный Анастасий Синаит вынужден был с иронией писать о тех, кто безудержно целует в храме иконы, не обращая внимания на саму литургию, и разьяснял, что не только в этом состоит благоугождение Богу. Как бы то ни было, к ним обращались с большим благоговением, как к посредникам, ходатаям перед небесными силами, связывали с чудесными событиями, почитали Образ как Первообраз, как своего рода проводник Божественной воли и воплощенную молитву. В итоговом оросе архиепископа VII Вселенского собора 787 г., восстанавливавшего иконопочитание после первого этапа иконоборства, вновь утверждали аспасмос как норму и анафемствовали

тех, кто этого не делает. В качестве аргументов они прибегали к примерам из Ветхого и Нового Заветов и заявляли, что в целовании выражается почтительное поклонение, смирение и любовь. Ведь грешница, целовавшая ноги Христу, получила за это отпущение грехов, да и апостол Павел постоянно рекомендовал приветственные лобзания.

Так или иначе, народная традиция связывала поклонение иконам с задачами практической религиозности, предполагавшей максимальную материализацию объекта, с которым совершались те или иные действия, и с перенесением на него свойств живого существа. Целование икон, реликвий в этом контексте могло быть не только знаком благочестивого почитания, но и способом извлечения присутствующей в сакральном объекте благодатной силы. Важно подчеркнуть, что такое народное почитание следует рассматривать не как наследие древних ритуалов, а как результат религиозного творчества в рамках эволюции христианской традиции. Эта «гражданская вера» успешно осваивала наследие древних традиций.

Даже церковные мозаики, фрески, иллюстрации к рукописным книгам воспринимались как иконы и служили для почитания. С упорением христианства вообще все как бы застывает, делается определенное, строже, суше, статичнее.

Именно поэтому в иконописи сложились и стали каноническими три основных облика Богоматери. Оранта («Молящаяся») – изображалась особенно одухотворенной, обращенной помыслами к Богу, в молитвенной позе с возведенными вверх руками; Одигитрия («Путеводительница», «Поводырка») – строгая, сдержанная, несущая людям на руках благословляющего Младенца Иисуса, на которого указывает правой рукой; Элеус («Умиление») – нежная, хрупкая, благодатная Мать, склонившаяся к Младенцу, который прижимается к ней щекой. Впрочем, на византийских печатях-моливдулах встречался еще один тип изображения Богоматери – Епискеписис – «Знамение», когда Дева Мария изображалась сидящей на троне с воздетыми в молении руками и с овальным медальоном на груди с изображением Младенца Христа.

Как уже сказано выше, крест стал символом той эпохи, постоянно напоминая об искупительной жертве Иисуса Христа. Он был единственным свидетельством Святого Крещения, знаком веры, той крестной духовной силы, которая была с каждым подлинным ромеем. Все значимое в жизни начиналось с крестного знамения, с креста. Его носили на теле и поэтому называли нательным, наперсным, чеканили на монетах, вышивали на одеждах, наносили на посуду, двери, стены, своды, колонны, драгоценности, ларцы, а до конца VII в. изображали даже на полу, пока это не было запрещено каноническим актом Пято-Шестого (Трульского) Вселенского

собора, состоявшегося в 691–692 гг. в Трулло – дословно «Круглая», палате Большого императорского дворца. Подпись в особо важных документах порой заменяли на три креста, и делали это не по причине неграмотности: поставить такой знак вместо имени было более ответственным, чем просто расписаться. Это значило поручиться крестной силой, именем Бога и Духа Святого.

Небольшие четырехконечные крестики отлитые из свинца, – металла, которому приписывали магические, исцеляющие свойства, – играли двоякую роль оберега, отвращающего зло, и печати-пломбы, которая подвешивалась к контейнерам, тюкам с грузом. Они не только гарантировали качество товара, но и служили талисманами, которые защищали содержимое тары во время пути к дальним рынкам. Иногда верхний конец такого креста был длинее нижнего, то есть относился к типу крестов Св. Петра, ибо именно на таком перевернутом кресте был распят этот апостол.

Совершая крестное знамение, большой, указательный и средний пальцы правой руки соединяли таким образом, чтобы концы их были сложены обязательно ровно – в знак равенства Пресвятой Троицы, два остальных пальца – безымянный и мизинец – пригибали к ладони. Соединение трех пальцев означало веру в Святую Троицу: Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого, а два пригнутых к ладони пальца – веру в Сына Божия Иисуса Христа и что Он имеет два естества – Божеское и человеческое. Таким образом, крестное знамение отражало важнейшее – Символ Веры («Верую...»). Оно совершалось при словах «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа».

Религиозные традиции особенно строго соблюдались в византийской армии, проникнутой духом защиты христианского мира и сознанием того, что любая тактика бессильна без помощи Бога. Войска ромеев сопровождали святые реликвии, иконы, кресты, которые несли от Константинополя. Согласно военным наставлениям – Стратегиконам и Тактиконам, все солдаты должны были свято соблюдать утренние и вечерние молитвы. Полагалось оставить любое занятие и, обратившись к востоку, с благоговением помолиться. По этой же, а отнюдь не военной причине, выбирая место для военного лагеря – апликтона, специалисты инженерного профиля – минсураторы, или минсоры – обязательно ориентировали его на восток. Нарушившему такие правила грозило публичное наказание и по меньшей мере понижение по службе.

Перед сражением вся армия и ее военачальник должны были «укрепить себя постом и слезами», принять Евхаристию – Святое Причастие и проникнуться высокими христианскими настроениями смирения, душевного мира и прощения обид, дабы безтрепетно встретиться с неизбежным. При при-

ближении неприятеля все воины как один громогласно возглашали молитвенные слова – «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!». После этого в полной тишине, слаженно и организованно, как отлаженный механизм, начиналось наступление до момента, когда по сигналу трубы все останавливались, вновь возглагошали молитву, и только тогда бросались в битву.

Иногда для поднятия боевого духа армии применяли такое богоугодное средство как раздача всем воинам освященных святым елеем пучков папируса для того, чтобы таким образом дать им духовное благословение и сделать их богоугодным воинством. Именно так было предпринято после молебствия по распоряжению царя накануне победной битвы у Белграда, происшедшей у византийцев с латинами в апреле 1281 г.: вложенные в стеклянные сосуды, освященные пучки папируса были с молитвой, бережно отправлены в армию.

Вообще, у ромеев в ходу были разнообразные христианские священные реликвии, которым приписывались чудодейственные свойства. Пытаясь утвердить священное первенство столицы Империи – Константинополя как Нового Иерусалима и земного воплощения Небесного Града, превратить его в ведущий центр паломничества, византийские императоры собирали по всему миру реликвии и переносили их в город, который со временем оказался переполнен святынями. Паломники со всего мира могли поклониться здесь топору библейского Ноя, спасшегося от потопа, трону библейского царя Давида, раздвигаемому море жезлу Пророка Моисея, одеждам, поясу, посоху Богородицы и Пеленам, в которые был завернут младенец Христос, Хлебам, которыми Иисус чудесным образом накормил тысячу людей, Колонне, у которой бичевали Христа, Губке, которой римский легионер смочил уксусом уста Спасителя, Копию, пронзившему Его, Крови Иисуса, небольшое количество которой хранилась в Св. Софии, частям Истинного Креста, на котором распяли Сына Божьего (так называемому Древу Креста Господня¹), Камню, лежавшему в гробнице под головой Христа, Камню, на котором омывали и умащали Его тело, не говоря уже о мощах – останках тел сотен почитаемых святых и мучеников. Не удивительно, что перед захватом Города крестоносцами в 1204 г. в нем было, видимо, более 3600 мощей примерно 476 различных святых, в том числе самых прославленных.

Пространства главных храмов тоже включало целый ряд сакральных комплексов, которые создавали священные пространства при помощи ре-

¹ Древо Истинного Креста Господнего было найдено в Иерусалиме, на месте казни Христа, матерью императора Константина Великого, августой Еленой, и после захвата персами, отвоевано у них василевсом Ираклием, перевезшим святыню в Константинополь. Часть этой реликвии хранилась в специальном ковчежце-ставрофике.

ликвий, икон, архитектурных устройств, ориентированных именно на эти комплексы литургических чинопоследований, включая специальные виды церковных песнопений, каждений – фимиатирионов и световозжиганий. К примеру, в столичном храме Св. Софии существовало специально огороженное место явления Богоматери, был особый придел с Цепями апостола Петра, а также многие другие.

В прочих городах и селениях Византийской империи при церквях и монастырях находились менее значимые, но также почитаемые реликвии, связанные с деятельностью апостолов и святых. Почитание их ослабло лишь в эпоху иконоборства, во второй половине VIII – первой трети IX вв., в остальное время оставаясь высоко востребованным, а потому важным источником пополнения средств Церкви. Причем есть основания полагать, что даже василевсы времен иконоборства не обязательно были борцами с реликвиями – липсанокластами, дословно «костеломателями», а рассказы об уничтожении реликвий в период иконоборства зачастую являются следствием пропаганды победивших в итоге иконопочитателей.

Основные христианские достопримечательности находились в Палестине, Сирии, Египте и Малой Азии. Зачастую они были связаны с монашескими конфедерациями, наиболее известные из которых находились в египетской Фиваиде, в Ските в египетской пустыне Нитрии, в песках Мареотиды, где выделялся обширный монастырь с мартирием Св. Мины под Александрией – Абу Мина, на поразительно красивой горе Афон в Греции, горе Гана во Фракии, горе Латре на юго-западе Малой Азии, Галисийской горе близ Эфеса или Метеора в Центральной Греции, в Фессалии. В Сирии и Палестине славилась монастыри столпников (Симеона Стилита Старшего и Симеона Младшего Дивногорца), лавры Иудейской пустыни и приморской Газы, в Самарии – октагон Богоматери на горе Гаризим, святые места и храмы Святой Земли в Иерусалиме, Вифлееме, Назарете, Табхе (Гептапегоне), Капернауме, Тиверии, Кесарии Палестинской, на горе Фавор, связанные с евангельскими событиями и персонажами; в Малой Азии – монастыри и мартирии Эфеса, Смирны, Пергама, Синопа, Лампсака. Все они соревновались за своеобразное духовное лидерство и в то же время объединяли распадающийся в богословских спорах христианский мир.

Из этих святых мест везли особенно много керамических, свинцовых или стеклянных ампул-евлогий. В домах паломников такие ампулы-фляги хранили очень долго. Они рассматривались не просто как престижные паломнические сувениры, но как филиактерии – предметы, приносящие счастье, удачу, и как надежные апотропеи – обереги с защитными функциями. Созерцание евлогиев освежало в памяти паломников набожные чувства,

связанные с посещением святых мест. Сирийцы в ранневизантийское время знали так называемые «хенана» – дословно «благодать, милосердие», как и евлогии. Иногда это были лепешки с медом и землей с могилы мучеников, иногда – искусно выполненные костяные ложки или эфесские перстни с изображением на щитке святого всадника с нимбом и крестом, который представлял Христа во время «Второго пришествия». Их развозили во все концы христианского мира и даже на сопредельные с Византией территории.

Многие богомольцы пытались совершить паломничество именно в Святую Землю, что становилось исключительным духовным подвигом и проверкой выносливости тех, кто находил в себе силы на это. Ежегодные паломничества в монастыри или к местным святыням становились настоящим праздником. Недаром города, являвшиеся центрами паломничества, большого или малого, либо стоявшие на пути паломников, процветали.

Богатые богомольцы в сопровождении слуг трусили на мулах, лаская взоры яркими красками дорожных одежд. Только драгоценностей не доставало, ибо негоже было представать в них перед святынями Господними. Крестьяне и горожане победнее тащились пешком, шаркая башмаками и сандалиями, а кто и босиком. У них и одежда была поглубее, и свое добро они несли на себе. Бесконечные узелки, привязанные на конце посохов, сумы из мешковины и сыромятной кожи, плетеные корзинки-канискии. Постукивая посохами, вереницей проходили слепые, ковыляли увечные и хромые, подскакивая на костылях. Печальный ослик катил тележку с паралитиком. За ней скакал, глотая пыль, босоногий grimасничающий юродивый с незаживающими язвами на теле. И каждый горячо лелеял надежду на чудо, терпеливо снося все тяготы пути. Губы шептали молитву, скорбные, наполненные слезами глаза светились экстазом.

Принятие Святых Тайн во время Причащения, телесные поклоны – в пояс и до земли, преклоненная голова, руки, сложенные крестообразно на груди, целование святынь – края чаши, кружки во время Евхаристии, Евангелия, креста, мощей святых, святых реликвий, икон, возжжение церковных восковых свечей, молебны помогали лучше выразить пламенную веру и донести молитву до Бога, прийти к очень важному чинопоследованию покаяния, которое состояло в узнавании и осознании своих грехов, своей ничтожности перед величием Господа, готовности покориться воле Божией, победить в себе гордыню сердца, смириться. Прощение грехов понималось как свидетельство Церкви, представленной епископом или священником, о том, что покаяние на исповеди было настоящим, что оно принесло свои плоды и что, следовательно, кающийся «во Христе примирен с Церковью» и восстановлен как член евхаристического Тела Христова.

Судя по всему, сознание средневекового ромея с VII в. стало гораздо более мистичным, чем раньше. Особенно этим отличались верующие женщины-простолюдинки как представительницы «боязливого и набожного пола». Византийцы культивировали мистицизм во всех видах, более того, он стал стилем жизни. Она была проникнута верой в реликвии, стремлением прикоснуться к ним, осязать кости мучеников, жить видениями, в которых являлись Богородица, святые, спасавшие от напастей и врагов. Религиозные чувства, духовность проявлялись не в умозаключениях, даже не в приверженности к догматам, а в душевных переживаниях, устремлениях сердца. Знание не вело к Богу. Византийские монахи не зря не доверяли наукам, набожно искали только уединения и так и не сделали монастыри, как на средневековом Западе, средоточием мысли, хотя и называли их фронтистирами – дословно «местами раздумий». Достаточно было знать, что исповедуемая вера справедлива и что молчание означает мудрость. Такое оправдание незнания вело к народному аскетизму, особенно мощно проявившемуся в конце существования Империи.

Итак, вся Романия находилась под влиянием образа страдающего Бога, а вера у ромеев проявлялась в любые мгновения жизни. «Богородица, помилуй!» – то и дело слетало с уст византийцев.

Столь же прочно в плоть и кровь каждого человека вошла молитва, которую творили и в церквах, и один на один с Богом, причем никаких специальных молитвенников, молитвословов у ромеев, как правило, не было. Традиция личного благочестия была сильна в мирской среде не менее, чем в монашеской. Случалось, миряне даже писали службы, сборники врачевательных молитв. Молитва заполнила жизнь и была превыше всего, дороже всего на свете, ибо надлежало непрерывно мыслить о Христе. С точки зрения православных верующих, с помощью молитвы, неустанно творимой как необходимый для спасения труд, поддерживалось общее «силовое поле» божественной защиты. Поэтому ни мирянину, ни клирику нельзя было пропускать больше трех недель церковное собрание под угрозой удаления от общения с верными и, главное, кары небесной.

В Житии Андрея Юродивого назидательно говорится об одном таком неверующем византийце, который никогда не ходил в церковь, отказывался молиться и креститься, хотя жена умоляла его сделать это «хотя бы из стыда перед людьми, а на предложение поцеловать икону этот гордец цинично ответил: «С таким же успехом я могу сказать: Стена, помоги мне!». Разумеется, духовному взору Андрея Юродивого открылось, что «...этот человек был весь черный, множество бесов шло впереди и позади него, они плясали и пели хором. Одни запевали: «Этот человек наконец наш!» – и вторые отзывались: «Он подобен нам!». И много они пели другого, не-

цензурного». В итоге бесы овладели им: он стал гавкать, мяукать, хрюкать и умер, поедая свои испражнения.

Правоверным ромеям требовалось посещать церкви как минимум по воскресным дням, в праздники и, особенно, на Страстной неделе перед Пасхой. Целый цикл церковных молитв был разработан для разного времени суток и по самым различным поводам. Вместе с пожеланиями, обрядами они соответствовали определенным дням литургического года с его подвижными и неподвижными православными праздниками. Крестные знамения, старательные мольбы, поклоны, многообразные формулы, многочисленные обеты перед иконами были предназначены для того, чтобы избежать любых напастей, опасности, печали. Священников приглашали для благословения, освящения жилищ, в случае болезни обращались в церковь, чтобы вверить себя Богоматери и святым, а также помазывались освященным елеем. Без благословения и молитвы не обходилось каждое мгновение жизни, начало и конец любой работы, закладка первого камня при строительстве здания, вступление в новый дом, сложение печи, сооружение водосборной цистерны или колодца-фреара, спуск на воду корабля, отъезд в путешествие, начало учебы. У Бога просили защиты и избавления от бед, молили об изобилии урожая, удачном лове рыбы, об изгнании плохих мыслей из дома, о чистоте водоемов и колодцев. Даже на амфорах, извлеченных с мест кораблекрушений, можно увидеть начертанные молитвы к Богу с просьбой уберечь от губительных штормов. Раздоры, неповиновение детей, потерянная и найденная вещь, смерть – все находило отражение в молитве. Даже когда одолевала зубная боль полагалось обращаться к великомученику Св. Антипе, спутнику апостолов, первому епископу Пергама, а против бессонницы призывать Семь Спящих из Эфеса – семь детей, которые, согласно легенде, чтобы спастись во времена гонений на христиан были укрыты в пещере около Эфеса, где проспали двести лет. Падеж скота можно было остановить обращением к Св. Мокию или Св. Харлампию, хотя, случалось, не помогало и это испытанное веками средство. Рассказывают, что в X в. при строительстве в Константинополе летнего дворца для василевса Романа Лакапина была выкопана мраморная бычья голова. Уничтоженная рабочими в печи для выжигания известня, она немедленно вызвала мор, который опустошал стада в течение полувека. Неважно, было ли такое в действительности. Важно, что в это верили, верили долго и передавали из уст в уста. Безусловно, этим миром двигала вера. Этот мир долгое время спасала вера.

Понятно, почему обычным явлением становятся общие молитвы и нескончаемые шествия, процессии, ставродиавасии – крестные ходы через весь город или по полям. Их ждали с нетерпением и устраивали в дни цер-

ковных и государственных праздников, памятных дат, освящения храмов, перенесения мощей и церковных святынь, а также во время неурожая, природных бедствий, нашествия врагов. Впереди крестного хода несли фонарь – символ Божественного Света, или запрестольный крест, особо почитаемую святую икону, после которой следовали несущие хоругви, свечи, диаконы с фимиатонами-кадильницами, кациями, а за ними – священники тоже с иконами и напрестольными крестами. Последняя пара священников несла Евангелие, а далее следовал хор и миряне, непрестанно певшие Иисусову молитву. Случалось, ставродиавасии собирали огромную возбужденную толпу, в которой толкались, пихались, иногда вплоть до получения увечий.

После Божественной литургии, от церкви к церкви, от одного особенно чтимого места до другого, с соответствующими останковками – станциями совершали стациональные шествия, под песнопения тоже перенося с собой процессионные кресты, святые реликвии, мощи, иконы.

Иногда такие крестные ходы становились средоточием экзальтированных обрядов, как это видно на примере столичной двусторонней чудотворной иконы Богородицы Одигитрии – Путеводительницы. Каждый вторник ее выносили монахи из столичного монастыря Одигон – «Путеводитель», после чего водружали на плечи одного из членов особого братства, который немедленно впадал в транс и начинал истово кружиться на месте, пока не падал от изнеможения. Тяжелая доска передавалась следующему и все повторялось сызнова, подогревая энтузиазм огромной толпы молящихся, кричавших «Господи, помилуй!». Им казалось, что икона летает по площади, обе стороны ее лика сливались в один в бешеном вихре, из которого брызгало источаемое образом миро, собираемое паломниками, съезжавшимися со всего христианского мира. С помощью чудотворной иконы Богородицы из малоазийской Артаки точно таким же образом исцеляли одержимых бесом: ее водружали на плечи бесноватого и тот с невероятной скоростью мчался впереди несущейся за ним восторженной толпы.

О глубокой вере ромеев говорит и рвение, с которым заботились о больных и нищих. Прихожане, и богатые, и бедные, жертвовали на строительство храмов, на содержание странноприимных, сиротских домов, домов престарелых, больниц, родильных домов, приютов для вдов, слепых. Такие добровольные приношения натурой или деньгами носили название канискион – дословно «корзинка».

Только 286 дней в году являлись для этих византийцев рабочими, а остальные полагалось так или иначе посвятить Богу и искренней молитве. Около 200 дней в году следовало соблюдать нистию – пост разной степени суровости, когда пища делилась на ту, что можно было вкушать,

и на запретную, главным образом, животного происхождения. Эта идея разделения пищи появилась к IV–V вв. и была связана с введением длительного, сначала двухнедельного, а затем, согласно Александрийской региональной традиции, 40-дневного Великого поста, в течение которого невозможно было обходиться без пищи и питья, как это было в эпоху раннего христианства. К этому посту добавились посты в честь Святых Апостолов (летний пост Петра и Павла в конце июня, связанный с праздником этих святых), Воздвижения Креста Господнего, а с IX в. – Рождественский пост. Позже других возник Успенский пост, который лишь к XIV в. стал всеобщим. Кроме того поститься следовало каждую среду, пятницу и желательнее в субботу. Обязателен был пост перед Святым Крещением, а со временем – Евхаристический пост, который предвещал участие в литургии, готовил желающих к Причащению.

Наиболее строгой для ромеев была Агия Тессаракости, то есть Святая Четыредесятница – Великий пост в течение семи недель перед Пасхой. Рассказывают, что когда однажды император Юстиниан I в голодное время разрешил за неделю до конца поста торговать мясом, столичные мясники отказались пойти на это, не желая грешить. Страх Господень оказывался сильнее даже такого, казалось бы неискоренимого чувства, как корысть и жадность. В постные дни нельзя было даже варить мыло на животном жиру, ибо, притрагиваясь к нему, можно было оскоромиться.

Зато на масленицу – Апокрию, длившуюся в течение трех недель, предшествующих 40-дневному Великому посту, можно было вволю отведать мяса, обильно поесть, попить, весело и разгульно, с театрализованными представлениями, карнавалами провести время. Вторая из недель этой поры даже именовалась соответственно – Креофаг – «мясоед». К слову, принципиальное вегетарианство, другие суровые пищевые ограничения были недопустимы с точки зрения ортодоксии все той же Церкви. Лица, отвергающие ядение мяса «ради благочестия», согласно канонам Гангрского церковного собора, подвергались анафеме. Смысл поста заключался не в ограничениях в еде или развлечениях, в воздержании от пищи определенного рода, а в изменении, переносе акцентов интересов с плотского на духовное.

Каждый, даже небольшой, городок Византийской империи имел своего небесного покровителя – местного святого. К нему обращались за помощью и благословением, в его честь возводили один из главных городских храмов-кафоликонов.

Так, в Фессалонике особо почитали Св. муч. Димитрия-воина и его слугу, Св. муч. Лупа (Луппа), в Эфесе – Св. Иоанна Богослова, любимого ученика Иисуса, в Хонах – Михаила Архангела, в Мирах Ликийских – Святого

Николая Мирликийского (Чудотворца), в Никомидии – Св. Пантелеймона-целителя, врача – безсеребренника, в Тримифунте на Кипре – Святителя Спиридона Тримифунтского, в Ираклии Фракийской – Св. муч. Гликерию, в Силимврии – Св. Агафоника, в крымском Херсоне – Св. муч. Василя, первого епископа города, в Афинах – Богородицу. Она же являлась хранительницей и защитницей Константинополя. Не один раз, в минуты крайней опасности, жители столицы с Покровом – мафорием Девы Марии – обходили городские стены, умоляя даровать силы и отстоять Царственный Город.

У могил святых мучеников, чудотворных икон просили помощи, избавления от болезней, иногда с этой целью ночевали в храмах, у гробниц, трепетно ожидая чудесного исцеления во сне.

Ревностное соби́рание реликвий порождало спрос, который, в свою очередь, рождал подделки тех же мощей с целью продажи. Папа Григорий I (590–604 гг.) в одном из своих писем рассказывал о греческих монахах, задержанных на римском кладбище во время выкапывания ими останков мертвецов. На допросе они сознались, что хотели выдать у себя на родине эти кости за мощи святых. Порой доходило до абсурда, что понимали уже современники. В эпиграмме «На собирателя реликвий» известный поэт и зубоскал Христофор Митилиней (первая половина XI в.) едко писал:

Молва идет (болтают люди всякое,
А все-таки, сдается, правда есть в молве).
Святой отец, что будто бы до крайности
Ты рад, когда предложит продавец тебе
Святителя останки досточтимые;
Что будто ты наполнил все лари свои
И часто открываешь – показать друзьям
Прокопия святого руки (дюжину),
Феодора лодыжки... посчитать, так семь,
И Несторовых челюстей десятка два
И ровно восемь черепов Георгия!

Тем не менее, такой скептицизм, изредка проявляемый избранными книжниками, не мешал подавляющей массе ромеев верить, к примеру, в то, что мученица Марина Антиохийская, чья голова хранилась в прославленном столичном монастыре Христа Пантэпопта (Всевидающего), была повелительницей змей и даже основательно побила сатану, выщипав ему бороду и вырвав глаз.

Вместе с тем представляется верной и мысль ведущего французского византиниста Поля Лемерля о том, что современные историки нередко преувеличивают значение Церкви в жизни византийцев. Глубина религиозного чувства далеко не всегда обуславливала горячую приверженность к Церкви и постоянную готовность прибегать именно к ее услугам и помощи. Особенно примечательно, что христианские верования, как уже сказано, смешивались с языческими поверьями, обычаями и праздниками, которые продолжали жить даже в крещенном народе, образуя некую гражданскую веру. На всем протяжении существования Империи лучшие представители ее Церкви настаивали на соблюдении всех видов постов, обязательном искоренении пороков – блуда, клятвопреступления, пьянства, несправедливости, напоминали о недопустимости для христиан обращаться к колдунам и гадалкам – мантикам, а также использовать амулеты, обереги, связанные с оккультной практикой. Тем не менее, Византия была основана на памяти о языческом античном прошлом, поэтому языческие традиции и магия, зачастую выливающиеся в своеобразную форму византийского народного христианства, «гражданской веры», оставались весьма живучими.

Как иначе объяснить долгое сохранение практики публичных благочестивых жертвоприношений нескольких типов – связанные с освящением церкви, храмовыми праздниками, с церемониями по обету святому (за избавление от опасности, эпидемии), для восхваления и выражения особой благодарности Богу? Так, в VI в. наиболее известный случай принесения таких жертв связан с историей освящения храма Св. Софии в Константинополе 22 декабря 537 г. Рассказ о событии сохранился в повествовании, возникновение которого относят к 867–886 гг., полагая при этом, что в тексте нашли отражение значительно более ранние источники. В этот день благочестивый император Юстиниан участвовал в процессии, прошедшей от Большого императорского дворца до врат площади Августин, расположенной неподалеку от возведенного грандиозного храма. После этого возле церкви началось заклание огромного количества животных – 1000 волов, 6000 овец, 600 оленей, 1000 свиней, по 10 000 кур и петухов, а также раздача бедным 30 000 мер зерна (около 15 тонн). Праздник продолжался вместе с жертвоприношениями рекордно долго – до дня празднования Богоявления – 6 января. В том же столетии Св. Николай Сионит, если верить Житию, организовал заклание 59 быков возле 13 церквей, расположенных в округе его монастыря. Случалось, что в ритуале заклания барашка, бычка или петуха, осуществляемом перед церковью, иногда прямо на ее пороге, участвовали и иереи, произносившие молитвы, зажигавшие свечи, кадившие ладаном, окроплявшие жертву святой водой, после чего следовала об-

рядовая трапеза верующих. Бывало, священник приносил в жертву голубя на могиле в память об умершем. В этом некоторые исследователи видят «вполне законный компонент ранневизантийской богослужебной жизни, продолжавший традиции отнюдь не языческие, а ветхозаветные». Правда, византийская Церковь усматривала в этом иудейское влияние и на исходе VII в. предприняла попытку дистанцироваться от него, что следует из канонов по этой теме, принятых епископами – участниками особо показательного Вселенского собора 691–692 гг.

Надо думать, число отклонений в верованиях и ритуалах было особенно многочисленно на окраинах Империи, в ее «глубинке», где власти были не столь «всевидающими», как в центре. Так или иначе, следует признать, что идолопоклонство многие столетия оставалось не искорененным в Византии. В конце VI в. хронист Иоанн Малала сообщал о сожжении книг, изображений и статуй «нечестивых богов», найденных у задержанных язычников. В Таврике даже в 861 г., как явствует из широко известного Жития Константина Философа, крещенные, православные жители городка Фулы издавна поклонялись священному дубу, сросшемуся с черешней, которого они звали Алесандр – «Защитник мужей». Их магическое мировидение признавало за ритуальными действиями, совершением возле дерева жертвоприношений, способность вызывать дождь, что было крайне важно для хозяйства здешних крымских обитателей. Только после увещаний Константина Философа и авторитетных ссылок на Евангелие, воззвания принесенных им свечей, они согласились срубить своего «защитника».

От болезней утробы эффективными считались амулеты, на одной стороне которых были изображены Богородицы или архангел Михаил, а на обороте – жуткая голова Горгоны. Ее убивающий желудочные инфекции взгляд можно было лицезреть в воде одной из самых крупных столичных подземных цистерн – Базилики, выстроенной Юстинианом I, где такие огромные головы, выломанные из древнегреческого храма, использовались в качестве подставок для колонн. Рельеф с изображением чужого, враждебного персидского мифического существа Сэнмурва, полуптицы-полульва, вмонтировали в нижнюю часть одной из мощных оборонительных башен Константинополя, таким образом, сознательно доверив защиту христианской твердыни языческому мифическому божеству.

Несмотря на тяжкую, страшную угрозу отлучения от Церкви, то есть изгнания из общины верующих и обречения души грешника на вечные муки, находились даже те, кто клялся языческими клятвами. Во многих местах под именем святых по-прежнему чтит языческих богов, местных покровителей, священные деревья. На упреки духовных лиц в оправдание, не смущаясь, отвечали, что так поступали отцы и деды. К примеру,

во время сбора винограда призывали бога Диониса и даже совершали ритуалы, которые напоминали античные Дионисии, хотя этот праздник нового урожая винограда со временем стал ассоциироваться с празднованием Успения Богородицы и в нем появилась церемония церковного благословения нового урожая винограда. Праздник летнего солнцестояния стал ассоциироваться с днем Св. Иоанна Крестителя, что не мешало в этот день устраивать гадания, то есть заниматься мантикой. После Рождества варили нечто похожее на клецки из пшеничной муки «под предлогом чествования родов непорочной Девы Марии», на что в конце VII в. пеняли каноны Пято-Шестого Трулльского собора. Эти же суровые правила накладывали шестилетнюю епитимию на поразительно тривиальные случаи, – на тех, кто консультировался у предсказателей, гадателей, покупал амулеты, «показывал медведей или иных животных с целью обмана простодушных», танцевал любые танцы, и уж тем более танцы в честь языческих богов, носил маски комического, трагического или сатирического характера, совершал трансвеститские действия, зажигал в новолуние огни перед домами и эргастирями и прыгал через костры, или даже просто «завивал волосы в целях соблазнения».

Араб, посетивший в IX в. Константинополь, вспоминал о забавном с его точки зрения обычае использования константинопольцами лошадей, чтобы с их помощью узнать о результате военной операции в далеких краях: «Их вводят в церковь, где подвешены уздечки. Если лошадь берет уздечку ртом, люди говорят: «Мы одержали победу в краю ислама». [Иногда] лошадь подходит, нюхает уздечку, возвращается назад и больше не приближается к ней. Тогда люди, по-видимому, уходили мрачные, охваченные предчувствием поражения».

Правда, случались вещи и похуже – вовсе нечестивые жертвоприношения, в том числе человеческие. Так, при осаде арабами Пергама в начале VIII в. отчаявшиеся осажденные, запертые в городе, по совету одного колдуна, схватили женщину с новорожденным ребенком, рассекли их на куски и бросили в кипящий котел. Воины окунали в котел свои перчатки в уверенности, что их оружие и они сами будут заколдованы силой этого ужасного обряда.

Еще одной своеобразной стороной «народной религиозности» являлось увлечение ромеев мантикой – гаданиями по частям тела, на ячмене, по полету и крику птиц, особенно орлов, ворон, сов, петухов, и толкованием примет, знамений. К примеру, карканье ворона устойчиво воспринималось как предвестье несчастья или даже смерти. В одной из хроник повествуется, что разграбление Кипра мамелюками в 1425–1426 гг. было предвещено пением петуха. В гадательном плане рассматривались даже такие

явления в теле человека, как зуд в руках, чиханье, дрож глаз и ушей. Отсюда становится понятным, почему василевс Лев VI Мудрый советовал стратигу немедленно успокаивать стратиотов, если кто-либо чихнул во время построения. Над такими предзнаменованиями безуспешно потешался уже Василий Кесарийский, который писал в своих толкованиях Библии: «Враг до того издевается над человеком, что если показалась кошка, выглянула собака или утром встретился человек, хотя самый благорасположенный, но с поврежденным правым глазом или бедром, он отскочит, отворотится, не раз зажмурит глаза».

Не случайно видный монах и богослов Иосиф Вриенний уже незадолго до падения Византии пытался доказать пастве в своих проповедях, что главной причиной бедствий, переживаемых ромеями, является их все возрастающая собственная греховность и многочисленные отклонения от норм христианской веры. Особенно сурово, эмоционально он критиковал рядовых верующих, порицал составление пророчеств, занятия астрологией и едва ли не ежедневные обращения к волхвам и предсказателям. Вриенний тоже зафиксировал устойчивое сохранение магических действий, совершаемых для плодородия полей, приплода и здоровья скота, удачной охоты, обильного урожая виноградников. Не ушли из календаря поздних византийцев и праздники языческого происхождения, отмечаемые с присутствующими им ритуалами, фестивальными, карнавальными обрядами и прыганием через костры. Вриенний знал об активном использовании амулетов и талисманов, о продолжающемся поклонении деревьям, дубравам и о сохранении верования в nereид, якобы населяющих моря.

Как уже сказано, все это было не ново. Народ и прежде прислушивался к гадалкам, ведунам, фокусникам, так называемым олакогонителям, которые на потеху простых ромеев водили с собой медведей и других зверей, продавали клоки их шерсти в виде талисманов, волшебной защиты от разных напастей.

Так, в «Древностях Константинополя», собрании городских легенд средневизантийской эпохи, говорилось о статуе с четырьмя рогами на голове в так называемом Портике Рогоносцев в порту Неория, которая якобы указывала на обманутых мужей: достаточно было подойти к ней, чтобы узнать, повернется ли она три раза перед обманутым. На столичном Ипподроме такую же роль приписывали двум женским статуям. Бывало, статуи одевали в ткани, вкладывали Святые Дары в их руки и принимали от них Причастие, или соскабливали краску с иконы и глотали вместе с Причастием.

По этой же мистической причине монахи, паломники, пустынники и одинокие аскеты, отрешившись от мирских радостей и посвятившие себя

неусыпным бдениям и молитвам, пользовались особым уважением среди византийцев как «Божие люди». Предрекаемое отшельником не могло не сбыться.

Когда в 378 г. император Валенс отправлялся на войну с готами, в поводья его коня с нечеловеческой силой вцепился невесть откуда взявшийся отшельник Исаакий, кричавший, что если император не откажется от арианства, его постигнет жуткая кара. Валенс не внял предостережениям и даже пообещал по возвращении из похода казнить наглеца, ...но, не вернулся: сгорел заживо в лачуге, в которой пытался спрятаться от разгромивших его ариан-готов.

В X в. жившая в своей жалкой, душевной хижине-конуре около столичной крепостной стены, вся обмотанная железными цепями отшельница Ефросинья Новая предрекла василевсу Льву VI рождение долгожданного наследника, Константина Багрянородного, а Роману Лакапину напороочила царство, отчего он, действительно став царем, всегда носил под доспехами ее рубище.

Влияние таких людей на простой народ было огромным: многие верили, что молитва инока спасает полтораста человек, осужденных на вечную гибель. Встретив монаха на улице, просили его благословения. Еще раз следует заметить, что в те времена не активная деятельность, но, напротив, покой, неподвижность, отрешенность, искренняя молитва казались ромеям наилучшим способом приблизиться к Богу, спасти себя и душу. Потому идеальный византиец видел свое предназначение не в служение государству, отечеству, людям, родному городу, семье, но, прежде всего, в обособлении от мирской суеты ради слияния с Божеством.

Вышесказанным объяснимо и то, почему излюбленным чтивом простого народа стала агиография – литература о жизни и смерти святых и мучеников, мужчин и женщин, претерпевших страдания ради Господа. Иногда из них составляли целые сборники восхитительных историй, рассказов, полезных душе. В подобных сочинениях повествовалось о жизни, деяниях и духовных подвигах, стойкости святых отцов и праведников, приводились их высказывания. На этом воспитывался мистический духовный идеал народа, определялись поучительные примеры христианской жизни, нормативные этические установки общества, семейные ценности. Как в капле воды их отражение можно найти, например, в поучениях популярного житийного персонажа VIII столетия, преподобного Филарета Милостивого, оставившего следующий завет своим детям и внукам: «...будьте странноприимны, заступайтесь за вдов, опекайте сирот, не оставляйте страждущих, не отриньте содержащихся в темнице, не пропускайте служб церковных, не желайте чужого добра, не радуйтесь несчастью врага».

Основными видами сочинений такого рода являлись Жития (по-латыни *Vitae*), деяния мучеников – маририи (по-латыни *passiones*), похвальные слова – энкомии, описания чудес (по-латыни *miracula*), перенесений мощей, святых реликвий (по-латыни *translatio*) и даже гимнография. Некоторые Жития тесно примыкали к жанру исторической хроники (например, Житие Патриарха Евфимия Константинопольского, известное также как Псамафийская хроника X в.), другие являлись, по сути дела, сказаниями или романами (Жития Алексия, человека Божьего, Филарета Милостивого), третьи относились к так называемому «царскому слову» – василикос логос (Житие царицы Феодоры, супруги василевса Феофила, восстановительницы иконопочитания). Наконец, были Жития, составленные в форме письма (например, «эпистола» Св. Григория Нисского о жизни его сестры, Св. Маркины, умершей в 380 г.) или похоронной речи, надгробного слова (евлогии Св. Григория Назианзина на смерть его сестры Горгонии, умершей в 370–374 гг., и на смерть Св. Василия Великого (Кесарийского)).

Между тем ромеев интересовало не только то, что произойдет с ними после смерти, но и что ждет их в ближайшем будущем. Все они, начиная с василевса и кончая последним нищим, пытались мистически приоткрыть завесу над грядущим. К примеру, рассказывали, что в библиотеке Большого дворца хранилась иллюстрированная портретами императоров книга, в которой загадочными и темными словами было изложено будущее Империи.

Но особенно часто прибегали к помощи астрологов, которых в Византии было великое множество. Церковь осуждала как «бесовское суеверие» близкое к магии занятие астрологическими предсказаниями, составление гороскопов. В собрании городских легенд упоминалось, что в VIII в. василевс Лев Исавр разрушил приспособления для астрологических вычислений, которые находились в подземельях храма Св. Мокия, но грамотными ромеями это объяснялось тем, что «он был неразумным человеком». В начале XII в. Алексей I Комнин не раз обращался за гаданиями к знаменитому астрологу Симеону Сифу, и даже когда усовестился в этих занятиях, уводящих от Бога, и решил удалить астролога из столицы, заботливо отправил его не куда-нибудь, а в хлебный торговый городок Редесто в ближней Фракии, при этом щедро снабдив всем необходимым за счет казны.

Действительно, многие ученые мужи Романии признавали астрологию наукой. Даже духовные лица, такие как историк X в. Лев Диакон, полагали, что мудрость звездочета не уступает провидению аскета. Считалось, что время рождения каждого человека, соотносимое с конкретным расположением созвездий и планет, оказывает определенное влияние на характер как, например, урожай пшеницы зависит от времени посева. В этом не было

сомнений. Поэтому мог не сбыться не сам гороскоп, а его неправильное истолкование.

Рассказывают, что когда василевс Андроник II (1282–1328 гг.) и его просвещенный первый министр Феодор Метохит, обеспокоенные знамениями, стали смотреть в некие гадательные книги и составили астрологический гороскоп, из которого следовало вражеское нападение, расстройство всех государственных дел и угроза для царской власти, они не поняли, что это будут не враги-чужеземцы, а родной внук царя, бесшабашный Андроник Младший, который начнет непримиримую войну с дедом и закончит ее победой.

Широкое распространение получили Бронтологии – от греческого слова «бронте» – «гром», сочинения, содержавшие предсказания по звездам и природным явлениям, знамениям. Случалось, этим до самозабвения увлекались сами василевсы, о чем сохранилось множество исторических анекдотов.

Так, императору Анастасию (491–518 гг.) было предсказано, что он погибнет от огня и, чтобы избежать такой участи, император приказал провести через все помещения Дворца пожарные водогонь и расставить сосуды с водой, но, тем не менее, не ушел от судьбы, – по легенде, его сразил испуг от сильной молнии во время разбушевавшейся грозы, от которой он прятался в дворцовых покоях.

Астролог Стефан Александрийский предрек василевсу Ираклию (610–641 гг.) смерть от воды и, хотя царь приказал засыпать все дворцовые цистерны, это его не спасло – он умер от водянки.

Михаил V Калафат (1041–1042 гг.) консультировался с астрологами, ссылая ли ему императрицу Зою, но на свою беду не последовал их совету и, по мнению хрониста Михаила Пселла, именно поэтому скоро лишился царского венца.

В 1154 г. василевс Мануил Комнин приказал вернуть снаряженную против зарвавшихся норманнов Сицилии мощную эскадру кораблей, когда выяснилось, что астрологи ошиблись в расчетах момента благоприятного отплытия. Впрочем, и новые расчеты не помогли: у берегов Пелопоннеса вновь отправленные в поход ромейские корабли были истреблены сицилийским флотом, а командующий Константин Ангел угодил в плен. Тем не менее, даже такие суровые уроки не шли этому царю в прок. Он не мог верить в ошибочность предсказаний астрологии и попадал во все новые казусы. Дошло до того, что Мануил, ожидая вычисленного им столкновения двух звезд, предусмотрительно распорядился вынуть стекла из рам дворца, дабы они не разбились от сотрясения. Высмеявшего его за увлечение гаданиями богослова и грамматика Михаила

Глику он приказал бросить в страшную столичную тюрьму Нумера и казнить. Лишь слезная поэма с прошением о помиловании помогла несчастному избежать этого приговора, по высочайшему приказу замененного ослеплением.

Никита Хониат рассказывает, что астролог предсказал мятежнику Алексею Вране, развязавшему гражданскую войну и пытавшемуся узурпировать трон у насмерть перепуганного Исаака Ангела (1203–1204 гг.), вступление в Константинополь в торжественной процессии. В данном случае предсказанное сбылось с жуткой очевидностью, но вовсе не так, как рассчитывал мятежник: в поединке родственник василевса Конрад Монферратский отсек ему голову, которую действительно внесли в Город с большим торжеством и в виде «не совсем приличного десерта» подали праздновавшему победу Исааку: «Ее принесли, с ослабленным ртом, с закрытыми глазами, бросили на пол как мяч, начали перекидывать из стороны в сторону».

Страсть самого слепого царя Исаака к гадателям и астрологам тоже доходила до мании, хотя те нагло обманывали царя, обещая ему все что угодно вплоть до прозрения и власти над всем миром.

Государство и Церковь преследовали и наказывали колдунов, чародеев, но нередко сами власти прибегали если не к их помощи, то к их методам. К примеру, в суде, чтобы уличить преступника, использовали и колдовские средства. Подозреваемому в воровстве давали есть ломоть освященного хлеба или заставляли смотреть, не моргая, на магическое око, нарисованное на стене. И в зависимости от нормальности или ненормальности поведения подсудимого принимали решение, виновен тот или нет.

Василевсу Михаилу I Рангави (811–813 гг.) свержение предрекла некая безумная пророчица, девушка-служанка, которая бродила по пляжу под высокими стенами дворца Вуколеон и выкрикивала: «Слезай оттуда, Михаил, слезай и очисти чужое помещение!». Когда василевс послал к ней своего родственника, Феодора Мелиссина, тот догадался спросить у девушки, кто же займет место царя, на что та в пророческом экстазе немедля ответила, что этот человек проезжает сейчас по Акрополю на муле. Царский посланец решил не спорить с судьбой, а, напротив, воспользоваться случаем и втереться в доверие обещанному будущему царю, – помчавшись на Акрополь, он действительно встретил там Льва Армянина, только что приехавшего в Город! Заверив василевса, что вопли пророчицы полный бред, Мелиссин на деле сделал все, чтобы облегчить потенциальному претенденту на трон приход к власти и сам возвысился при нем до поста Патриарха.

По легенде, некий астроном указал глубоко верующему василевсу Роману Лакапину, в порывах благочестия порой доходившему до грубых суе-

верий, на одну из статуй, стоящих на столичном холме Ксеролоф как на изображение грозного царя Симеона Болгарского (878–927 гг.), перед которым больше 30 лет трепетала вся Империя, и заявил: «Если отрубишь ей голову, в тот же час умрет Симеон». И ночью послал царь Роман отрубить голову статуе. В тот же час скончался Симеон в Болгарии».

Еще один красочный пример: василевс Константин Мономах (1042–1055 гг.) посчитал достаточным основанием для причисления к лику святых своей покойной жены Зои то обстоятельство, что... на ее гробнице вырос гриб.

Василевса Исаака Комнина (1057–1059 гг.), охотившегося на кабанов под Константинополем, внезапно поразила молния с такой силой, что царь, по словам хрониста, «кубарем слетел с коня и стал кататься по земле, пуская пену». Посчитав происшедшее знамением, он решил добровольно отречься от престола и принял постриг.

Даже лучшие из ромейских ученых, рационалисты, осмеивая чародейство, все же искренне верили в сверхъестественное. К примеру, высокообразованный Михаил Пселл в трактате «О свойствах драгоценных камней» писал о таинственных мистических качествах минералов, хотя скептически относился к астрологии, оставаясь рационалистом и логиком, а точнее, христианином, которого тянуло к загадкам физики. Трудно объяснить такое почтение к магии и к оккультным знаниям в обществе столь глубоко религиозном, набожном и интеллектуально развитом, но это факт.

Более того, можно сказать, что предсказания будущего, судьбы, поиск и толкования примет, знамений, любые суеверия были для ромеев своеобразной манией. Они зачастую руководствовались знаками, предвестиями, пророчествами в своей повседневной жизни и искренне полагали, что некоторые виды случая можно предвидеть.

Вот еще один, но очень яркий, можно сказать, судьбоносный по своей значимости пример такого рода. Богобоязненный, хотя и склонявшийся к еретическому монофистству, очень старый и скучный император Анастасий Дикор (491–518 гг.), – тот самый, кому было суждено умереть от молнии, – в свои 90 лет не мог решить, кому из трех премянников передать трон. Чтобы выяснить это, он приготовил к обеду три ложа, на одном из которых был спрятан кусок пергамена со словом *regnum* – «царская власть». Кто займет это ложе, тот и должен был стать будущим императором. На беду, именно это заветное ложе осталось пустовать, ибо двое из племянников, по причине, о которой можно только догадываться, решили разместиться на одном ложе. Тогда Анастасий загадал иной ход: кто первым войдет в его спальню на следующий день, тот и будет выбран случаем, а значит, Богом. Первым вошел начальник стражи, кряжистый, мало-

грамотный Юстин, и император без малейшего сомнения склонился перед таким выбором Бога.

С точки зрения ромеев, человек все же обладал некоторой свободой воли, и, значит, мог реализовать или оставить нереализованной дарованную ему свыше добродетель. После этого следовали либо Божья награда, либо возмездие. Такие ситуации повторялись. Поэтому византийцы считали, что на основе прошлого и настоящего можно предвидеть будущее. Для обозначения этой идеи они использовали выражение «стохадзомай», в переводе с греческого означающее – «угадываю, полагаю», и постоянно, даже болезненно следили за всеми видами знамений, снов или галлюцинаций. За их разгадывание брались не только солидные ученые – знатоки движения звезд, или монахи, «профессионально» сконцентрированные на проблемах невидимого, мистического, но простые уличные торговцы всевозможными амулетами – филактериями, оберегами и талисманами, которые зарабатывали на этом неплохие деньги. Иногда такие сюжеты-талисманы наносили даже на столовую посуду, как это видно на примере «ока зла», перечеркнутого крестом, на так называемых эгейских поливных (глазурованных) мисках XIII в.

Большую, опять-таки мистическую роль играли числа. Считалось, что четные числа – мужские, а нечетные – женские. Так, четное или нечетное количество зерен ячменя, взятых в горсть, предсказывало положительный или отрицательный результат в том деле, о котором гадали, как и встреча или не встреча таких зерен, помещенных напротив в сосуде с водой. Самым простым способом получить пророчество для умеющего читать являлось чтение и соответствующее толкование отрывка Библии или другой книги, взятого наугад. Достаточно было выбрать число от единицы до 38 и обратиться к соответствующему отрывку из Библии. А дальше – толкуй его как можешь.

Вопросы, с которыми обращались к предсказателям, были самыми разнообразными: продолжительность жизни и смерть, болезни, успех, богатство и наследство, дети, отношения в семье и карьера, поиски сокровища, преследования властей. Всего не перечесть.

В обрядность христианского населения вошел и такой унаследованный от античности гадательный ритуал, как клидон. Это был народный обычай, связанный с праздником Рождества Св. Иоанна Предтечи, отмечаемым с 23 на 24 июня (с 6 на 7 июля) и широко известном в славянском мире как Ивана Купала, а у современных греков как Ай Янни. Он был близок к дню летнего солнцеворота, который в календарном круге стоял напротив Рождества Христова. Клидон заключался в откровении, которое получали через внутренний или сверхъестественный голос. По верованиям греков,

всякое слово, голос из уст другого, чужого человека, услышанные в положенное время после обряда, могли быть клидон – ответ на мучительный вопрос, указание на будущее.

Судя по источникам, проводился обряд следующим театральным образом. В семье, где была маленькая «первородная» девочка, украшали жилище коврами, тканями и венками из листвы, устраивали пир и танцы. С заходом солнца, при свете звезд виновница торжества – ключевой персонаж клидона, одетая как невеста, получала медный сосуд с водой. Дело в том, что медь издавна наделяли магическими и отвращающими беду свойствами, способностью проводить энергию высших сил, а вода в ночь на Рождество Св. Иоанна Предтечи обретала особую материальную и духовную силу. Именно поэтому к месту гадания ее надо было нести обязательно молча, не проронив ни единого слова по пути, чтобы не потревожить эту тайную силу духа воды. Такая «вода молчания» выступала в качестве аналога – заместителя святой воды, к тому же еще «заряженной» энергией света звезд. В сосуд с водой клали разные предметы, принадлежавшие участникам гадания. Они по очереди подходили к «гадалке» и спрашивали о том, что ждет каждого, а девочка, достав наугад любой из вложенных предметов, показывала его, сопровождая любым комментарием и, тем самым, совершала предсказание, которое ревнитель Православия, известный канонист XII в. Феодор Вальсамон, считал полученным «от сатаны». Вместе с тем есть основания полагать, что сознание ромеев связывало обряд клидона с хорошо известным из апокрифов сюжетом Благовещения Пресвятой Богородицы, обретшей благовест небесных сил именно тогда, когда, взяв кувшин, пошла за водой. В этом случае девочка, облаченная как невеста, играла роль Девы Марии, матери Иисуса, и мы имеем очередной выразительный пример «гражданской веры».

Кроме того, византийцы полагали, что будущее можно узнать и с помощью вещего сна. Онейрокритика – толкование снов, символов сна играло большую роль в византийской жизни. Ни один психоаналитик никогда не рылся в снах, видениях и знамениях с такой настойчивостью, как это делали византийские монахи. Как и к предзнаменованиям, предвестиям, к таким вещам относились с полной серьезностью. До нас дошли многочисленные византийские сочинения о сновидениях, среди которых выделяются философские трактаты о природе снов и сновидений, и сонники, представляющие собой, по сути, практические руководства для толкования снов и предсказания будущего. Даже василевс, отправляясь в поход, обязательно брал с собой книги по толкованию снов.

Сон в византийской литературе занимал свое «законное» место, несмотря на осторожное отношение Церкви к его толкованию как к языческой

практике. Тем не менее такие сны случалось видеть и Патриархам. К примеру, сосланному Юстинианом I на остров Принкипо в 565 г. Евтихию, по словам автора его Жития, приснилось, как «...некто протянул ему меч с поясными портретами Юстина и его жены Софии, и они ему улыбнулись», что Патриарх истолковал как указание на будущее царствование этого племянника бездетного императора Юстинина, и не ошибся. В благодарность за это Юстин II вернул его на патриарший трон и построил на Принкипо женский монастырь.

Любой трезвый политик верил, что приснившиеся в детстве красные царские туфли верный знак стать царем, даже если судьба поначалу вовсе не благоволит к тебе. Никита Хониат вспоминал, как василевс Иоанн II Комнин (1118–1143 гг.) видел во сне своего худосочного сына Алексея (1108–1142 гг.), только что получившего «право носить порфиру и обуваться в красные сапоги», сидящим на льве и управляющим им, «держа его за уши, за неимением других средств»: «смысл этого сновидения был тот, что Алексея будут только именовать и провозглашать царем, действительной же царской власти он не получит. Так и случилось, потому что спустя немного времени Алексей скончался».

Среди византийских сонников своими размерами и детальностью отличалась так называемая «Онейрокритика Ахмета», созданный в X в., но уходивший в древнегреческую традицию толкования вещей ночных видений. К примеру, увиденный во сне белый конь сулил прибыль, а черный, наоборот, потерю, причем важны были даже длина ног коня, которая могла указывать на размер прибыли или потери. Лошадь означала конкретную женщину, вестника, новость, ссору или социальный статус, а падение с лошади – смерть. Река, как ни странно, предвещала опасность, врагов, печаль. Более того, для некоторых византийских интеллектуалов описание сновидений становилось особым литературным жанром, как это можно увидеть в двух письмах писателя XIV в. Димитрия Кидониса, рассказывавшего о своих вымышленных, дивных посещениях императорского дворца и приемах, оказанных ему в личных покоях василевса. Но особенно доверяли не таким рассказам, навеянным мирскими соображениями и надеждами, а сновидениям святых, считая, что они наиболее точно предрекают грядущее.

К тому же истолкованиями снов гадания не ограничивались. По тому, как зажарилась лопатка ягненка, тоже судили о жизни и смерти, войне и мире. По ладони руки предсказывали судьбу человека.

Упавший с головы только что коронованного самодержца венец рассматривался как верная примета к плохому концу новоиспеченного василевса и недологовечности его правления. Так, в 1195 г. Алексей III Ангел пытал-

ся высчитать благоприятный момент для своего венчания на царство с помощью придворных астрологов, размещенных на галерее Великой церкви, но, несмотря на это, когда сразу после окончания коронации в храме, царь сел на коня, тот взвился на дыбы и только что водруженный венец слетел на землю, растеряв часть драгоценных камней. «И это было сочтено неблагоприятным предзнаменованием: что он царство не соблюдет, но уронит его с высоты» – провидчески записал очевидец случившегося Никита Хониат, хотя до позорного бегства Алексея от крестоносцев из осажденного Константинополя оставалось еще долгих восемь лет.

Другой историк, Георгий Пахимер, назидательно описал случай, происшедший сентябрьским днем 1327 г., когда, по древнему обычаю, у порфировой колонны Константина на одноименном центральном форуме Константинополя царь и Патриарх в сопровождении архиереев отправляли Божественную литургию: «...неизвестно откуда выскочившая свинья, вся измазанная в грязи, вдруг прыгнула в ряды певчих. Там она стала беспорядочно метаться туда-сюда, и самые проницательные сочли, что это предвещает смятение в Божьей Церкви». Правда, вместо предвещенного церковного смятения, на следующий год произошло завершение семилетней гражданской войны, в которой старик Андроник II Палеолог Старший лишился трона в пользу своего мятежного внука Андроника Младшего.

Погоду «не по сезону» и, тем более, затмения луны или солнца, появление кометы рассматривали как предвестие надвигающейся или знак уже свершившейся беды. К примеру, указанием на взятие войсками Киевского князя Владимира византийского Херсона в Крыму, по словам историка X в. Льва Диакона, стали «восход появившейся тогда звезды, а также напугавшие всех огненные столбы, которые показались затем поздней ночью в северной части неба». К слову, некоторые византилисты связывают это знамение с действительным появлением кометы в августе 989 г., а «огненные столбы» – с полярным сиянием или со взрывами горящего метана на шельфе Черного моря.

По описанию Георгия Пахимера, с весны до осени 1264 г. на небосклоне была видна комета, «...и своим огнем, смешанным с дымом, весьма пугала зрителей, как бы предвещающая им какое-то несчастье». Историк сопроводил это сообщение следующим комментарием: «В самом деле, за подобными небесными знаменами едва ли не всегда следовали какие-нибудь необычные перемены и на земле, и между народами. И чем страшнее были кометы, тем очевиднее наступало бедствие. Об этом свидетельствовала и пословица: ни одна комета не приходит без чего-нибудь. А люди знающие присоединяли к тому и стих: она по природе зла». Ну, а поскольку бед ромям всегда хватало, найти подходящее совпадение не составляло труда.

Лихорадочная обстановка последних дней Константинополя, томившегося в петле турецкой осады в мае 1453 г., была отмечена предвестиями и пророчествами, рассказы о которых широко распространялись: как ребенок увидел ангела, охранявшего городские стены и оставившего свой пост; как из собранных устриц закапала кровь; как появилась гигантская змея, наряду с частичным лунным затмением, свидетельствующая о «приближении всеобщей гибели». Сюда же вошло потрясшее христиан падение наземь, в грязь, прославленной иконы Богородицы – заступницы города во время шествия из храма Спасителя в Хоре, после чего последовала разогнавшая всех жуткая гроза с громом и молниями, а также небывалый в это время года очень плотный туман, на весь день окутавший гибнущую столицу. Вместе с появлением таинственного огненного свечения, струившегося по куполу Великой церкви, и ударившего в небо ослепительным столбом неопишуемого света, это было воспринято как окончательное свидетельство того, что Господь в облаке тумана и ангел-хранитель Св. Софии, а значит и Дух Божий, покинули обреченный Город. Ровно через семь дней он пал и вместе с ним исчезла навсегда Византия.

Чудеса в те времена считались явлением вполне обычным. В них тоже истово верили, порой не сдерживая слез, доходя до обмороков, а иногда относясь к ним весьма приземленно, прагматично. К примеру, свою нескончаемую судебную тяжбу из-за мельницы стратиг Фессалоники Лев Мандал и монахи фракийского монастыря Каллиас решили в 1075 г. доверить решению Богородицы. Они сложили все относящиеся к делу документы перед чудотворной иконой Богородицы Влахернской, созданной, по преданию, Св. евангелистом Лукой, учеником апостола Павла, и договорились, что если занавеска иконы не поймется сама собой, как это обычно происходило в определенное время, мельница достанется монахам. Но завеса, хотя и с задержкой, поднялась и монахи проиграли дело.

Нам трудно понять крайне суеверных византийцев с их быстрыми сменами настроения, контрастами поведения, подчас безумными выходками. Главная особенность такого поведения заключалась, как уже сказано, в том, что мир небесный и мир земной в сознании не были разделены непроходимой преградой. Поэтому ромеи полагали, что священные реликвии, мощи, кости мучеников, даже мельчайшие частицы их тел, волос, ногтей, одежд, могли защитить от опасности, исцелить больного и даже воскресить мертвого. К примеру, константинопольцы уверяли, что засов прославленных громадных, окованных серебром центральных Царских дверей храма Св. Софии, сделанных из чудодейственного дерева ковчега библейского Ноя, если взять его в рот, избавит отравленного человека от яда, который выйдет вместе со слюной и рвотой. Прикосновение руками,

плечами или лицом к окованной медью колонне Св. Григория в том же храме исцеляло от боли в груди. Немудрено, что десятки поколений паломников протерли в меди дыру.

Смачивание водой или ее питье из святого источника – агиасмы, особенно если последняя находилась при храме, даровало здоровье. Качество воды при этом имело второстепенное значение – все решало ожидание великого чуда, которым проникались паломники в таких местах.

Паломники рассказывали, что недалеко от дворца Манган в Константинополе на берегу Босфора была расположена такая исцеляющая агиасмародник, вода из которого увлажняла песок, почитавшийся священным. Главные чудеса случались по средам и пятницами, когда приходившие сюда болящие, даже из других городов, лежали здесь во множестве, зарывшись в песок по шею.

Еще одна такая агиасма Св. Фотины с температурой воды 46 градусов до сих пор бьет в часовне, устроенной в стене стамбульского парка Гюльхане поблизости от храма Богородицы Халкопратийской. Это был один из важнейших богородичных храмов Константинополя, построенный в квартале Халкопратии в середине V в. при попечительстве Пульхерии, суровой, богобоязненной старшей сестры императора Феодосия II и супруги императора Маркиана. Его главной святыней являлся Пояс Богородицы. Никифор Каллист Ксанфопул, церковный историк XIV в., передал предание о том, что во времена Пульхерии в Халкопратии каждую среду в честь Богородицы совершали ночные молебны и процессию, которую она сама и возглавляла, идя с горящей лампой. Исходя из поздневизантийских Чудес святых, именно в агиасме при упомянутой часовне прозрел слепой бык, которого гнали из порта на убой. Ныне она именуется «Айязма Св. Ферапонта» и закрыта после того, как в 1997 г. исламисты убили тамошнего ризничего, а тело его бросили в колодец с чудотворным источником, по преданию, освященном мощами Св. Фотины.

В полукилометре от ворот Константинополя находился прославленный монастырь Богородицы Живоносного источника – Пиги, в купели которого в святой воде плавали золотые рыбки. Каждую пятницу после Пасхи сюда на местный праздник Богородицы Живоносного источника, «как пчелы в улей», по словам современника, собирались толпы босоногих паломников и лично приезжал василевс. Так продолжалось до 1422 г., пока обитель не разгромили турки, устроившие здесь ставку для осадившего Константинополь султана Мурада II. Но источник, вопреки всему, бьет здесь до сих пор.

Помощь мага или колдуна не отвергалась и в повседневном быту. Снять порчу, разрушить чары, отбить мужа у любовницы, изготовить приворотное

любовное зелье, совершить наговор, истолковать знамение, сон могло понадобиться любому. Все это порождалось насущными потребностями жизни.

Византийцы верили, что можно погубить врага, если проткнуть изображавшую его восковую фигуру иглой, с помощью заклятий призвать увечье на особенно удачливого возничего из соперничающей партии ипподрома, страстную любовь желанной женщины, болезнь ребенка или мула ненавистного соседа, шторм для судна купца-соперника. Рассказывают, что в конце IX в. игуменья столичного монастыря Хрисовалант Ирина освободила от таких чар свою монахиню, которая сохла по оставленному ей жениху: по молитве настоятельницы с неба упал сверток с двумя восковыми куклами, спутанными волосами инокини и ее возлюбленного, которые были немедленно брошены в огонь.

Для достижения подобных магических целей не останавливались перед запретным обращением к помощи колдуна, как об этом рассказывается в Житии Андрея Юродивого о некоей даме, жившей у порта Неорий и страстно желавшей вернуть домой загулявшего у любовницы мужа. Колдун Виргин выполнил просьбу: пришел к даме домой, налил в светильник масло, зажег его, поставил под иконой и, что-то пошептав, велел женщине опоясаться поясом с четырьмя узлами. После этого муж действительно вернулся в семью, но его жене стали сниться, мягко говоря, странные сны: то она жарко целовалась с черным псом, то ею хотел овладеть эфиоп, то она сама обнимала и целовала статуи на Ипподроме, желая с ними совокупиться. Когда женщина в отчаянии обратилась к жившему по соседству блаженному Епифанию, выяснилось, что в лампу было налито колдуном не масло, а собачья моча, огниво надписано именем антихриста, а икона, перед которой этот светильник коптил, измазана калом. Епифаний велел лампу разбить, пояс сжечь, а икону отдать ему, после чего женщине сразу полегчало, зато блаженному пришлось стойко отбиваться от полчища неких эротических «красных бесов».

Удивительно, но правоверным ромеям были знакомы еще более странные для своего времени вещи, даже понятие телепортации, мгновенного перемещения физических тел из одного места в другое, как это следует из рассказа о злом маге Илиодоре из сицилийской Катаньи. Когда к нему прибыла следственная комиссия из Константинополя, чтобы разобраться в природе его колдовских чудес, он моментально перенес собравшихся в столицу. Илиодор попросил их на краткое мгновение опустить головы в воду и, когда они вынырнули, то с изумлением увидели себя находящимися в столичных императорских банях, причем без одежды, которая дожидалась их снаружи. Впрочем, даже из этих легендарных историй следует, что самые злостные «чернокнижники», тем более колдуны из числа

клириков, о которых шла упорная молва как о продавших душу дьяволу, попадали под следствие, суд и казнь, особенно если они извращали церковные обряды, например, причащались кровью.

В XII в. Константинополь потряс отраженный в источниках судебный процесс над двумя могущественными магами, приговоренными василевсом Мануилом Комнином к ослеплению. Один из них, Склер Сетх, занимался колдовством, прикрываясь изучением астрологии. Другой, Михаил Сикидит, был, видимо, талантливым гипнотезером. Однажды он устроил спор на деньги с бывшими с ним людьми, что остановит корабль и заставит моряка испортить свой груз. Сикидит впился взглядом в проплывавшее мимо судно с предназначенной на продажу гончарной посудой и заставил несчастного корабельщика поверить, что над его горшками и блюдами возникла жуткая красная змея и стена пламени. Тот, словно одержимый, немедленно схватил весло и бил им по посуде до тех пор, пока от нее осталась груда черепков. В другой раз, повздорив с мывшимися в бане, Сикидит внушил им, что их пинками под зад выгоняют в раздевалку невесть откуда взявшиеся из горячей воды черные как смола бритоголовые люди. Интересно, что Склер даже после наказания ослеплением не бросил своих преступных занятий, тогда как Михаил Сикидит, потеряв вместе со зрением свой дар, принял монашеский постриг и по прошествии многих лет стал автором сочинения о Божественных таинствах.

Между верой в демонов и верой в Бога лежал один шаг и порою он был длиною в жизнь. Примеров такого «среднего», «пограничного» положения византийцев между христианством и старыми языческими, эллинскими традициями великое множество. И они не случайны. В страхе человек искал любой сверхъестественной защиты и, даже если при этом впадал в грех как христианин, считал, что исповедь, покаяние и Святое Причастие помогут ему оправдаться перед Богом. Видимо, известное положение «не согрешишь – не покаешься» вполне разделялось ромеями. При этом крайне важно понимать, что в Византии магия находилась на стыке науки и популярной культуры, а суеверие смешивалось с набожностью и добавляло ей загадочный языческий оттенок, представляя, по сути дела, единый сплав некой не столько церковной, сколько «гражданской веры», характерный для сознания большинства ромеев.

Нельзя сказать, что это было двоеверие: языческие образы вполне определенно отрицались и назывались в византийском мире изображениями демонов, но некоторые элементы старого восприятия оставались в народной популярной культуре. Как следует из церковных канонов и поучений, проповедей представителей духовенства, их ревнители из столетия в столетие безуспешно пытались искоренить эти народные традиции

и суеверия среди византийцев. Поэтому вполне можно присоединиться к заключению, высказанному профессором Сергеем Ивановым в одной из его публичных лекций, что «Византия как средневековое общество жила в «пространстве посередине», не позволяя много открыто, но на многое смотря со снисходительной улыбкой». Именно в этом заключался смысл «пограничного» византийского мира, и в то же время крылось объяснение его удивительной толерантности, проявлявшейся в терпимом отношении даже к иным, не православным конфессиям, включая иудаизм и мусульманство. Возможно, в этом же кроется причина отсутствия в Византии таких жестоких, истребительных, кровавых гонений на еретиков, отступников от догматов веры, какие знал суровый средневековый католический Запад с его инквизицией и кострами ауто-да-фе.

В этой же связи заметим в заключении обзора несколько странного с нашей, современной точки зрения положения рядового ромея между христианством и язычеством, что Византия не испытала мании некромантии и связанного с этим массового преследования колдунов, ведьм, подобной той, что пережила католическая, а затем и реформационная западная Европа с XV в., когда едва ли не каждый второй подозревался в колдовстве. Может быть, она просто не успела достичь этого, а может быть, такая идея претила проникнутой мистицизмом ромейской душе, которая, – самое главное, – при всех ее двойственных отклонениях не верила во всемогущество дьявола, сатаны и не шла на разного рода «антихристианские контакты» с ним.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева М. А.* Политический и общественный элемент византийско-славянских гадательных книг // BS. – 1930. – Т. 2. – С. 47–73, 395–415; 1931. – Т. 3. – С. 430–461; 1932. – Т. 4. – С. 65–84.
- Андреева М. А.* К истории византийско-славянских гадательных книг // BS. – 1933–1934. – Т. 5. – С. 120–159.
- Арранц М.* Избранные труды по литургике. – Рим; М., 2003. – Т. 1: Таинства византийского евхология; Т. 2: Таинства византийской традиции.
- Банк А. В.* Гемма с изображением Соломона // ВВ. – 1956. – Т. 8. – С. 332–336.
- Барабанов Н. Д.* Благочестивые заклания. Традиция публичных жертвоприношений в византийском приходском православии // ВВ. – 2004. – Т. 63 (88). – С. 89–113.
- Барабанов Н. Д.* Византийская народная демонология в Житии Св. Феодора Сикейота // АДСВ. – Екатеринбург, 2013. – Вып. 41. – С. 239–252.
- Барабанов Н. Д.* Византийская народная мантика: клидон // АДСВ. – 2011. – Вып. 40. – С. 288–301.
- Барабанов Н. Д.* Византийская Церковь в борьбе с употреблением амулетов // Вспомогательные исторические дисциплины. – 2007. – Вып. 30. – С. 100–110.

- Барабанов Н. Д. Византийские филактерии. Специфика арсенала // АДСВ. – 2002. – Вып. 33. – С. 214–227.
- Барабанов Н. Д. Византийские филактерии и проблема народной религиозности: историографический аспект // Византия: общество и церковь. Сборник научных статей. – Армавир, 2005. – С. 147–167.
- Барабанов Н. Д. Иеротопия и проблемы «народной религиозности» в Византии (Некоторые соображения к развитию концепции) // Власть, общество и церковь в Византии. – Армавир, 2007. – С. 231–238.
- Барабанов Н. Д. Иосиф Вриенний о народных верованиях византийцев XV в. Мантика // CHERSONOS THEMATA: «империя» и «полис» / Под ред. Н. А. Алексеевко. Сб. науч. тр. – Севастополь, 2013. – С. 219–243.
- Барабанов Н. Д. К истории византийских народных верований. Истера // АДСВ. – 2003. – Вып. 34. – С. 322–347.
- Барабанов Н. Д. Костры святого Иоанна. Огонь в культовых практиках византийцев // Мир Византии. Проблемы истории Церкви, армии и общества / Отв. ред. Н. Д. Барабанов, С. Н. Малахов. – Армавир; Волгоград, 2011. – С. 65–79.
- Барабанов Н. Д. Мир византийского прихода в полемическом трактате XII в. // Средневековое православие от прихода до патриархата. – Волгоград, 1997. – С. 65–84.
- Барабанов Н. Д. Народное почитание священных изображений в Византии. К постановке проблемы // ПОЛЕМОЛОГОС. Сборник статей памяти профессора В. В. Кучмы. – Волгоград, 2012. – С. 207–214.
- Барабанов Н. Д. От Гилу до вурдалаков. Демнология и приходское православие в Византии // Средневековое православие от прихода до патриархата. – Волгоград, 1998. – С. 81–97.
- Барабанов Н. Д. Приходское православие в Византии по канонам Трулльского собора // Мир Православия. – Волгоград, 1998. – Вып. 2. – С. 9–13.
- Барабанов Н. Д. Сила стопы. Роль ног и следов в византийском народном христианстве / Н. Д. Барабанов // XERCONOS THEMATA: Империя и Полис. Тезисы докладов и сообщений VI Международного византийского семинара (Севастополь, 2–6 июня 2014 г.). – Севастополь, 2014. – С. 14–15.
- Бибиков М. В. Византийские астрономические и астрологические системы и их рецепция на Руси (по рукописным материалам) // Вторые чтения памяти Н. Ф. Каптерева. – М., 2004. – С. 3–7.
- Бланкоф Ж. О двоеверии и амулетах-змеевиках // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. – М., 1973. – С. 203–210.
- Василий (Кривошеин), архиеп. Ангелы и бесы в духовной жизни по учению Восточных Отцов // Альфа и Омега. – 1996. – № 4 (11). – С. 44–78.
- Ведешкин М. А. Язычники Восточной Римской империи в VI в. // Классическая и византийская традиция. 2014. Материалы VIII международной науч. конф. – Белгород, 2014. – С. 228–234.
- Гранстрем Е. Э. К истории заговоров и апокрифических молитв в византийской письменности (неизвестный сборник греческих врачевательных молитв) // Палестинский сборник. – Л., 1981. – Вып. 27 (90). – С. 86–92.
- Гранстрем Е. Э. Отголосок византийского суеверия в древнерусской письменности // Исследования по древней и новой литературе. – Л., 1987. – С. 48–49.

- Гранстрем Е. Э.* Отрывок медицинского трактата Аэция из Амиды в списке X–XI вв. // ВВ. – 1956. – Т. 9. – С. 154–162.
- Дурново Н. Н.* Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе // Труды славянской комиссии Императорского Московского археологического общества. – 1907. – Т. 4 (41). – С. 54–152.
- Журавлев Д. В.* Две глиняные ампулы с изображением святого Мины из Крыма // Российская археология. – 2012. – № 3. – С. 91–96.
- Залеская В. Н.* Памятники византийского прикладного искусства IV–VII вв.: каталог коллекции. – СПб., 2006.
- Книга паломник. Сказание мест святых во Царьграде Антония Архиепископа Новгородского в 1200 году / Под ред. Хр. М. Лопарева // Православный палестинский сборник. – СПб., 1899. – Т. 18. – Вып. 3. – С. I–С.
- Коваль В. Ю.* Иконки-змеевики : поиск прототипов // Византия и византийское наследие в России и мире. Тезисы докладов XX Всероссийской научной сессии византинистов. – М., 2013. – С. 127–130.
- Лидов А.* Лики и маски Византии // Редкие земли (The Rear Eath Magazine). – 2015. – № 1 (4). – С. 190–201.
- Лукашенко А.* Християнський дуалізм та його вплив на тенденції візантійської культури: історичний вимір // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. – Серія: історія / За заг. ред. проф. І. С. Зуляка. – Тернопіль, 2014. – Вип. 1. – Ч. 1. – С. 173–177.
- Марков Н.* По следите на античната магия. – София, 2005.
- Марков Н.* Средновековен амулет с изображение на Горгона Медуза // Археология. – 2002. – Кн. 4. – С. 46–48.
- Матанцева Т. А.* Амулет с Соломоном-всадником из Херсона // Памятники культуры. – 1993. – № 4. – С. 501–509.
- Наследие византийского Херсона / Науч. ред. В. Н. Залеская, Т. Ю. Яшаева, А. Рабиновиц. – Севастополь; Остин, 2011.
- Николаева Т. В., Чернецова А. В.* Древнерусские амулеты-змеевики. – М., 1991.
- Панченко А. А.* Матерная брань в религиозном контексте // «Злая лая матерная...» / Под ред. В. И. Жельвиса. – М., 2004. – С. 138–161.
- Рашиев Р.* Образът на Горгоната медуза в българските земи през ранното средновековие // Проблеми на изкуството. – 2007. – Т. 3. – С. 7–11.
- Римский В. П., Ковальчук О. В.* Структуры повседневности православного человека и культурный диалогизм византийской цивилизации // Ученые записки Орловского гос. университета. – Серия гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 1. – С. 140–151.
- Тотев К.* Средновизантийски оловен талисман от Преслав // Преслав. сборник. – Т. 7. Посвещава се на 1120-годишниката от обявяването на Велики Преслав за столица на България. – Велико Търново, 2013. – С. 124–128.
- Хайрединова Э. А.* Перстень-амулет первой четверти VII в. из Юго-Западного Крыма // АДСВ. – 2014. – Вып. 42. – С. 69–89.
- Шангин М. А.* Демон-кладовик (заметка о греческой бытовой сказке) // Советская этнография. – 1934. – Т. 4. – С. 108–112.
- Шпидлик Т.* Молитва согласно преданию Восточной Церкви. – М., 2011.

- Abrahamse D.* Magic and Sorcery in Hagiography of the Middle Byzantine Period // Byzantion. – 1982. – Т. 8. – P. 3–17.
- Athanassiadi P.* Persecution and Response in Late Paganism: The Evidence of Damascius // The Journal of Hellenic Studies. – 1993. – Vol. 113. – P. 16–28.
- Ancient Christian Magic* / Ed. by M. W. Meyer, R. Smith. – Princeton, 1999.
- Beck H.-G.* Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. – München, 1971.
- Bonner C.* Studies in Magical Amulets, Chiefly Graeco-Egyptian. – Ann Arbor, 1950.
- Borton T.* Ancient Astrology. – London; New York, 1994.
- Byzantine Hours. Works and Days in Byzantium. Everyday Life in Byzantium.* – Athens; Thessaloniki; Mistras, 2000.
- Byzantine Magic* / Ed. by H. Maguire. – Washington, 1995.
- Cutler A.* Originality as a Cultural Phenomenon // Originality in Byzantine Literature, Art and Music / Ed. A. Littlewood. – Oxford, 1995. – P. 203–216.
- Davidson G.* Byzantine and Early Medieval. The Minor Objects // Corinth. – Princeton, New Jersey, 1952. – Vol. 12.
- Dijkstra J.* Religious encounters on the Southern Egyptian Frontier in Late Antiquity (AD 298–642). – Groningen, 2005.
- Dreambooks in Byzantium* / Transl. by M. Oberhelmen. – Ashgate, 2008.
- Gaddis M.* There is no Crime for those who have Christ: Religious Violence in the Christian Roman Empire. – Berkeley, 2005.
- Giakalis A.* Images of the Divine : The Theology of Icons at the Seventh Ecumenical Council. – Leiden; Boston, 2005.
- Greenfield R. H.* Traditions of belief in late Byzantine demonology. – Amsterdam, 1988.
- Hebert L.* Pagans and Christians in late Antique Aphrodisias // Conversion to Christianity from late Antiquity to the Modern Age: Considering the Processes in Europe, Asia, and the Americas. Minnesota Studies in Early Modern history. I. – Minneapolis, 2009. – P. 85–114.
- Hornander R. M.* Appealing for Justice in Christian Magic // Cultures in Context Transfer of Knowledge in the Mediterranean Context. – Cordoba, 2004. – P. 27–43.
- Joannou P. P.* Demonologie populaire – demonologie critique au XIe siècle. La vie inedite de S. Auxence par M. Psellos. – Wiesbaden, 1971.
- Kaplan M.* Le saint, le village et la cite // Les saints et leur sanctuaire a Byzance / Ed. C. Jolivet-Levy, M. Kaplan, J.-P. Sordini. – Paris, 1993. – P. 81–93.
- Kotsakes D.* Astronomia kai astrologia sto Byzantio. – Athenai, 1983.
- Lancellotti M. G.* Medicine et religion dans les gemmes magiques // Revue de l'histoire des religions. – 2001. – Vol. 218. – P. 430–452.
- Le Moing S.* Le demon de midi des deserts d'Egipe a aujourd'hui // Proche-Orient Chretien. – 2003. – Т. 53. – P. 34–50.
- Magdalino P.* L'Orthodoxie des astrologies. La science entre le dogme et la divination a Byzance (VIIe–XIVe s.). – Paris, 2006.
- Magie, croyances, superstition : des gemmes aux eulogies et au-dela* // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies. Sofia, 22–27 August 2011. – Sofia, 2011. – Vol. 2: Abstracts of Round Table Communications. – P. 197–202.
- Mango C.* The Legend of Leo the Wise // Зборник радова Византолошког института. – 1960. – Кн. 6. – P. 59–93.

- Maspero J.* Bracelets – amulettes d'époque byzantine // *Annales du service des antiquités de l'Égypte*. – 1908. – T. 9. – P. 231–258.
- Mavroudi M.* A Byzantine Book on Dream Interpretation: The Oneirocriticon of Achmet and Its Arabic Sources. – Leiden, 2002.
- Meinardus O.* A Study of the Relics of the Greek Church // *Oriens Christianus*. – 1970. – T. 54.
- Michel S.* Die magischen Gemmen: zu Bildern und Zauberformeln auf geschnittenen Steinen der Antike und Neuzeit. – Berlin, 2004.
- Paganism in the Later Roman Empire and in Byzantium / Ed. by M. Salamon. – Cracow, 1991 (*Byzantina et Slavica Cracoviensia*. 1).
- Patera M.* Gylou, demon et sorcière du monde byzantine au monde néogrec // *Revue des Études byzantines*. – 2006–2007. – T. 64–65. – P. 311–327.
- (Pseudo) Leo VI the Sage. The Oracles of the Most Wise Emperor Leo and the Table of the True Emperor. – Amsterdam, 2002.
- Rochow I.* Zu «heidnischen» Bräuchen bei der Bevölkerung des Byzantinischen Reiches im 7. Jahrhundert, vor allem auf Grund der Bestimmungen des Trullanum // *Klio*. – 1978. – Bd. 60. – S. 483–497.
- Schlumberger G.* Amulettes byzantins anciens destinées à combattre les malefices et les maladies // *Revue des études grecques*. – 1892. – T. 5. – P. 81–92.
- Spier J.* Medieval Byzantine Magical Amulets and their Tradition // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. – 1993. – Vol. 56. – P. 25–62.
- Stewart C.* Demons and the Devil: Moral Imagination in Modern Greek Culture. – Princeton, 1991.
- Svoboda K.* La démonologie de Michel Psellos. – Brno, 1927.
- Thomas J. P.* Private Religions Foundations in the Byzantine Empire. – Washington, 1987.
- Tihon A.* Études d'astronomie byzantine. – Aldershot, 1994.
- Tihon A.* L'astronomie byzantine (du Ve au XVe s.) // *Byzantion*. – 1981. – Vol. 51. – P. 603–624.
- Tihon A.* L'astronomie byzantine à l'aube de la Renaissance (de 1352 à la fin du XVe s.) // *Byzantion*. – 1966. – Vol. 66. – P. 244–280.
- Tihon A.* L'astronomie à Byzance à l'époque iconoclaste (VIIIe–IXe s.) // *Science in Western and Eastern Civilization in Carolingian Times*. – Basel, 1993. – P. 181–203.
- Totev K.* Thessalonican Eulogia Found in Bulgaria (Lead Ampules, Encolpia and Icons from the 12th – 15th Centuries). – V. Turnovo, 2011.
- Trombley F. R.* Hellenic Religion and Christianization, c. 370–529. – Boston; Leiden; Brill, 2001. – T. 1–2.
- Trombley F. R.* The Council in Trullo (691–692): A Study of the Canons Relating to Paganism, Heresy and Invasions // *Comitatus. A Journal of Medieval and Renaissance Studies*. – 1978. – No. 9. – P. 1–18.
- Vikan G.* Art, Medicine and Magic in Early Byzantium // *DOP*. – 1984. – Vol. 38. – P. 67–82.
- Vikan G.* Two Byzantine Amuletic Armbands and the Group to Which They Belong // *Journal of the Walters Art Gallery*. – Baltimore, 1991–1992. – Vol. 49–50. – P. 22–41.